

Марина Владимировна Заваркина

*кандидат филологических наук,
млaд. науч. сотpуд. кафедры русск. лит. и журналистики,
ведуший редактор Издательства ПетрГУ
(Петрозаводск, Российская Федерация)
mvnikulina@mail.ru*

СЮЖЕТ «ИСПЫТАНИЯ ИСТИНЫ» В ПОВЕСТИ А. П. ПЛАТОНОВА «КОТЛОВАН»*

Аннотация. В статье на материале опубликованной динамической транскрипции рукописи повести «Котлован», а также ранней публикации А. Платонова прослеживается эволюция взглядов писателя на проблему познания истины. Анализ рукописи «Котлована» позволил доказать, что к концу 1920-х годов Платонов отказывается от рационалистической трактовки понятия «истина», в том числе в ее «бодановской редакции». Платонов ведет спор с философией Нового времени не только на уровне содержания, но и формы: выбирает жанр производственного романа, «превращая» его в философскую повесть о «сомнении». Писатель сомневается в возможностях социалистической науки, основанной на материализме, познать истину о мире, а также изменяет свое отношение к труду как единственному способу ее постижения. В итоге он отходит от материалистической концепции познания и сближается с религиозно-философской традицией: в финале все более актуальной становится формула П. Флоренского «истина-естина» и намечается смещение понятия «истина» из категории когнитивно-материалистической («выдумать» / «сделать» истину) в онтологическую и нравственную.

Первые записи к «Котловану» А. Платонов делает осенью 1929 года [1, 14]. Однако дата, указанная на одной из машинописей (декабрь 1929 — апрель 1930), относится исследователями не ко времени создания повести, а ко времени действия. Н.И. Дужина, рассмотрев обширный политический контекст, предположила, что Платонов приступил к работе над «Котлованом» не раньше апреля 1930 года [13, 62]. В России повесть была опубликована в 1987 году («Новый мир», № 6). Академическое издание повести (с набросками, динамической транскрипцией рукописи), подготовленное сотрудниками ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, появилось в 2000 году¹. В 2009 году в первой книге Архива А. Платонова

был опубликован набросок без названия, относящийся к истории создания повести².

Платонов пишет «Котлован» «изнутри» истории, по «горячим следам» первой пятилетки, поэтому при изучении повести актуален историко-политический контекст [13], [14]. Несмотря на то что Платонов создает произведение в духе производственного романа, он наполняет его не столько идеологическим, сколько философским содержанием. На уровне названия «Котлован» сближается с романом Ф. Gladкова «Цемент»: известно общепринятое толкование названия gladковского романа как процесса «цементирования» трудом новых социалистических отношений. Герои Платонова тоже роют котлован под фундамент будущего «общепролетарского дома», но производственная фабула ослаблена за счет сюжета «второго смысла»³, который можно обозначить как сюжет «испытания истины»⁴. На актуализацию в произведении гносеологической и онтологической, а не производственной проблематики указывает и название наброска, над которым Платонов работал незадолго до создания повести и который генетически с ней связан, — «Смысл жизни».

В художественно-философской концепции человека А. Платонова проблема познания истины — одна из главных. В творчестве начала 1920-х годов вопрос об истинном научном знании был вызван в том числе и знакомством писателя с идеями теоретика Пролеткульта, известного философа-марксиста А. А. Богданова. Глубокий интерес молодого Платонова к «всеобщей организационной науке» (тектологии) А. Богданова рассматривался исследователями преимущественно на материале творчества писателя 1920-х годов⁵. При анализе повести «Котлован» обращение к ранним идеям писателя обусловлено тем, что в произведении художественно представлены те способы познания истины, о которых Платонов писал в статьях Воронежского периода и которые имеют точки соприкосновения с теорией А. А. Богданова. Таким образом, в «Котловане» писатель ведет диалог с современностью не только на уровне формы произведения (выбирает жанр производственного романа), но и на уровне содер-

жания (полемизирует с материалистической философией Нового времени).

По Богданову, содержание жизни составляют «организация внешних сил природы, организация человеческих сил, организация опыта» [6, 71], а успех строительства социализма зависит в том числе и от успеха научной организации труда. Богданов считал, что первым шагом на пути к «организационной науке» является «организационная философия» [5, 117] — эмпириомонизм («единство опыта», «единая точка зрения на мир» [4, 33]).

Главным методом «организационной науки» Богданов называл индукцию, имеющую «три основные формы»: «обобщающе-описательную, статистическую и абстрактно-аналитическую» [6, 129]. Позже, в статьях 1918 года, объединенных под названием «Социализм науки», А. Богданов продолжит разговор о методах, которыми наука «вырабатывает себе истину» [7, 377]. Он назовет науку «организованным общественно-трудовым опытом» [7, 361], который берет свое начало от «элементарно-грубых технических приемов», т. к. «царство познания выросло из царства труда» [7, 384]. Таким образом, трудовой акт составляет первый уровень научного мышления, он дает «практическое обобщение» действительности [7, 377]. За ним следуют статистический метод «количественного учета и подсчета фактов» и метод «абстрактно-аналитический», переводящий трудовое действие в символический план [7, 381—383]. Во «всеобщей организационной науке» все три метода, по мнению А. Богданова, должны быть объединены. Препятствием к этому «монистическому научно-организованному мышлению» Богданов назовет «специализацию и анархическое дробление системы труда» [6, 107]. «Тектология» (в греческом языке τέκτων не только строитель, но и художник, мастер, а тектология — это наука о строительстве как о творческом процессе [6, 112]) призвана, по мнению Богданова, преодолеть разделение людей на организаторов производства и исполнителей, объединить людей в мировой коллектив, способный подчинить себе природу и преобразовать ее, «организовать» мир.

Богдановская теория «организационной науки» привлекла молодого Платонова, также мечтавшего о всеобщей гармонии и победе человеческого разума над неорганизованной природой. В статье «Будущий Октябрь» (1920) Платонов писал: «Производство — вот истинное тело коммунистического общества, и организация производства есть организация коммунистического общества»⁶. Главным препятствием к этой организации молодой Платонов, как и Богданов, считал природу, хранящую «тайну мира», а «где Тайна, там Истина мертва»⁷. Писатель был уверен, что «преодолеть» природу и обрести истину помогут социалистическая наука, основанная на материализме, и труд: «...материализм есть сужение опыта человеческого сознанием для увеличения вероятности найти истину»⁸, «я предлагаю уйти в самые низы труда... Все ниже и ниже — к недрам, к корням труда и человечества»⁹. В повести «Котлован» А. Платонов возвращается к своим ранним идеям, пересматривая их.

На первый взгляд, центральным образом в повести выступает образ стройки: он выведен на уровень названия, на стройку приходит уволенный с механического завода Вощев. Затем из-за «слабости культработы» (К, 62) на котловане (а согласно динамической транскрипции рукописи Вощева приняли на работу для повышения «культурного уровня» масс¹⁰) он уходит в деревню, чтобы в финале снова вернуться обратно. Однако параллельно в повести развивается сюжет «второго смысла», в котором стройка теряет значение центра, она — определенный этап на пути Вощева к истине.

Путешествие Вощева в поисках истины сближает сюжет «испытания» со сказочным сюжетом: странствие-испытание героя в поисках счастья. Сказочный герой отправляется в путь, движимый «недостачей» (В. Я. Пропп), чаще всего он едет на поиски невесты. В статьях воронежского периода молодой Платонов сравнивал истину с «возлюбленной» («Мы ищем возлюбленную, последнюю истину»¹¹), а мысль — с «невестой человечества»¹². Вощев отправляется на поиски своей «невесты» — истины. Сказочная модель сюжета, по мнению К. Кларк, была характерна и для жанра производственного романа. Используя методику В. Я. Проппа, предложенную

им для описания морфологии сказки и ее исторических корней, Кларк анализирует «ортодоксальную» сюжетную схему производственных романов и приходит к выводу, что уже в романе «Цемент» можно наблюдать сказочную «схему задач», состоящую из «ситуации нехватки», «борьбы с врагами», «преодоления препятствий» [15, 141]. В повести Платонова эти сюжетно-композиционные «скрепы» имеют другое значение и выводят на уровень сюжета «второго смысла». Например, ситуация «недостачи» Вощева — гносеологического свойства. В рукописи Вощев указывает цель своей будущей работы: «отыскание истины путем... постоянной мысли» (ДТ, 183).

В производственной прозе понятие «истина» практически отсутствовало или не имело такого важного философского значения, как у Платонова. Так, в романе-хронике В. Катаева «Время, вперед!» «истина» — это доказанный факт, проверенный практикой, некая норма, которой надо следовать. Главный оппонент Маргулиеса — Налбандов, противник ударничества на производстве, ведущего, по его мнению, к износу техники, заявляет: «...меньше двух минут на каждый перемес не полагается. Это азбучная истина. Вы можете найти ее в любом учебнике»¹³. Маргулиес же готов пойти на профессиональный риск, а конфликт этих героев можно обозначить как конфликт консерватора и новатора.

В романе Л. Леонова «Соть», который, по предположению Т.М. Вахитовой, Платонов читал при работе над «Котлованом» [10, 216], истина сопряжена с верой: «Истины — это то, во что я сейчас верю!» — говорит главный герой Увадьев¹⁴. По мнению Т.М. Вахитовой, «замена истины верой переводит категорию “истины” из познавательной сферы в религиозную, лишая ее любого соотношения с действительностью» [10, 218]. Можно расставить акценты иначе: называя истинным то, что важно в данный момент, герой превращает истину в категорию относительную и утилитарную. Сцена разговора Увадьева с монахом Геласием о душе (глава первая, главка V) напоминает сцену разговора Вощева в завкоме: и Увадьев, и работник заводского комитета трактуют «душу» и «счастье» с позиций материалистического сознания: «Душа,

еще одно чудное слово, — говорит Увадьев. — Видишь ли, я знаю ситец, хлеб, бумагу, мыло... я делал их, или ел, или держал в руках... Видишь ли, я не знаю, что такое душа. Из чего это делают?.. где это продают?»¹⁵ и в «Котловане»: «Счастье произойдет от материализма, товарищ Воцев, а не от смысла» (К, 23).

В отличие от производственной прозы частотность употребления понятия «истина», как в основном тексте повести «Котлован», так и в рукописи, позволяет проследить развитие «лексического сюжета» в произведении — сюжета «бытования» «истины» в тексте. Сравнив употребление этого понятия в окончательном варианте и в рукописи, где основная правка шла по принципу «редукции» [11, 230]¹⁶, можно сделать вывод, что в сознании героя «истина» имеет несколько значений. В сцене разговора в завкоме Воцев говорит о желании «счастья-смысла»: «Я мог бы выдумать что-нибудь, вроде счастья, а от душевного смысла улучшилась бы производительность» (К, 23). Повествователь поясняет, что в понятие «счастье» герой не вкладывает обыденного о нем представления, которое в глазах самого Платонова всегда граничило с буржуазным: «Тело Воцева было равнодушно к удобству, он... томился своим несчастьем во время сытости, в дни покоя» (К, 23). В 1920 году в статье «Культура пролетариата» молодой Платонов гневно отзывался о словах В. Розанова «Я не хочу истины, // Я хочу покоя»: «Ясна душа буржуазии, искавшая прежде всего блага и покоя»¹⁷. Счастье как «сытость», «благо» и «покой» характерно в повести для идеологических приспособленцев, Пашкина и Козлова, в их понимании счастья есть что-то «мутное» и «жирное» (ДТ, 181). Для Воцева счастье — обретенная истина: «Мое счастье — истина» (ДТ, 181). В окончательном тексте осталось пояснение, расширяющее значение этого понятия: герой чувствует «слабость тела без истины, — он не мог долго ступать... не зная точного устройства всего мира и того, куда надо стремиться» (К, 23). Таким образом, в сознании героя «истина» имеет следующие коннотации: «счастье», «смысл жизни», знание «точного устройства всего мира» и цели существования («того, куда надо стремиться»).

В повести «Котлован» представлено несколько способов познания истины, за которыми можно увидеть вышеперечисленные методы познания из теории А. А. Богданова. Рабочие осуществляют метод трудового акта (первый этап научного мышления, по Богданову, а также процесс «организации внешних сил»). Метафора «рыть котлован = докопаться до истины» в черновых вариантах реализуется в повествовании, затем идиома убирается в подтекст сюжета. «Что-же твоя истина!» — восклицает один из рабочих. — «Ты-же не работаешь, ты не переживаешь вещества существования, откуда-же ты вспомнишь мысль!»¹⁸ (ДТ, 187). Строителям «общепролетарского дома» важна не конечная цель, заявленная в планах треста, а сам процесс работы. Находясь на пограничной стадии «не-сотворения», котлован обретает ритуальное значение для своих создателей.

В. Н. Топоров так определил функцию ритуала: «...деяние, действие, дело по преимуществу то *дело*, которое противостоит и слову и мысли, одновременно образуя с ними триаду *мысль — слово — дело*, имеющую непосредственное отношение к проблеме “первовещи”» (выделено Топоровым. — М. З.) [26, 11]. На котловане, являющемся моделью социалистического мира, оживает мифологическое сознание, не различающее мысль и действие и понимающее истину как нечто материальное. В начале века были распространены теории о появлении человеческого языка из трудовых выкриков (например, А. Богданов особо ценил «Происхождение языка» Л. Нуаре, развивавшего эту идею [7, 379]). Рабочие на котловане также стремятся к истине через действие. В плане поэтики это обусловило платоновский прием «деметафоризации» (термин С. Г. Бочарова [9, 17]), когда образ дается и воспринимается не как условное, а как прямое изображение. Истина для строителей — вещь, в том смысле, в котором о ней писал Платонов в статье «Пролетарская поэзия» (1923): «Истины теперь хотят огромные массы человечества. Истины хочет все мое тело. А чего хочет тело, то не может быть нематериальным, духовным, отвлеченным. Истина — реальная вещь»¹⁹.

Метод «статистический» можно «закрепить» в системе персонажей за образом инженера Прушевского, который делает чертежи и рассчитывает грунт «на сжатие и деформацию» (К, 37), а также является «прорабом», в чьи обязанности входит и «организация человеческих сил» (в противовес «организации внешних сил», осуществляемой рабочими). На самом деле Прушевский не видит смысла в строительстве «общепролетарского дома», а отношениям с людьми предпочитает «общение» с мертвыми предметами, например с грунтом: «Вечное вещество, не нуждавшееся ни в движении [ни в истине,] (ДТ, 208; в квадратные скобки заключены варианты, которые Платонов вычеркнул. — М. З.), ни в жизни, ни в исчезновении, заменяло Прушевскому что-то забытое и необходимое, как существо утраченной подруги» (К, 37). Прушевский — собирательный образ «технической интеллигенции», олицетворение «специализации». В результате он чувствует «стеснение своего сознания, как будто темная стена предстала в упор перед его ощущающим умом» (К, 33). Образ стены можно трактовать двояко: «по-богдановски» — как символическое воплощение «издержек» специализации; «по-платоновски» — как символ ограниченности всякого человеческого знания. Прушевский прошел тот путь в поиске истины, на который только ступил Воцев, и его судьба звучит как предостережение главному герою, не случайно Прушевский называет себя и Воцева «двоешками» (ДТ, 208).

Модель мышления Воцева раскрыта в рукописи. Во-первых, «истина» для героя — это «пища» и для души, и для тела: «У меня без истины тело слабнет, я трудом кормиться не могу» (ДТ, 187). Во-вторых, в рукописи осталась сцена, в которой Воцев пишет заявление о приеме на работу и называет истину «организационным началом человека» (ДТ, 183). Здесь также можно увидеть отсылку к идеям А. Богданова, который говорил, что истина — «это живая организующая форма опыта» [4, 219]. В конце книги «Эмпириомонизм» Богданов писал о значении идей «для повышения социально-трудовой энергии людей, планомерности и организованности человеческой деятельности» [24, 154]. В будущем обществе, по мнению Богданова, наука, идеология

и производство станут единым целым. В «Котловане», в отличие от рабочих, которые олицетворяют «производство», и Прушевского, который связан с наукой, — Воцев занимается «организацией опыта», он — воплощение «идеологии».

На полях рукописи осталось еще одно определение: «Истина как землеустройство» (ДТ, 183), поясняющее, почему Воцев остался на котловане и в первый рабочий день сжимает лопату так, словно хочет «добыть истину из середины земного праха» (К, 28). По Богданову, природа — «великий, первый организатор» [6, 71]. Воцев тоже надеется, что «природа... что-нибудь покажет внизу» (К, 30). Ощущая внутри себя пустоту без истины, вплоть до физического голода, Воцев остается на котловане, чтобы попробовать вместе с рабочими добыть «мысленную истину» и «осуществить ее всюду» (ДТ, 178).

По мнению Н. Д. Арутюновой, истина — «знак двоения», в поисках истины человек противопоставляет «постигаемое чувством и постигаемое разумом» [2, 21]. Последнее приводит к тому, что в сознании главного героя «сталкивается» истина рациональная (как предмет познания) и истина религиозная (как предмет веры). Причем «религиозность» понятия «истина» раскрывается только в рукописи, а в окончательном варианте уходит в подтекст сюжета. Так, отказавшись от бессмысленной механической работы, из-за чего Воцева и уволили с завода, герой и на котловане сомневается в том, как рабочие ищут истину: «Говорили, что все на свете знаете... а сами только землю роете и спите... я от вас уйду... мне без истины стыдно жить» (К, 42). Воцев отказывается от труда как способа ощущения и познания истины (см. диалог Воцева с рабочими выше. — М. 3.), он понимает, что «ощущенье безвозвратно погибает, когда оно не обратится в мысль и не сделается... возвращающимся воспоминаньем» (ДТ, 179; выделено мной. — М. 3.). П. Флоренский интерпретирует греческое понятие «истины» — $\alpha\lambda\eta\theta\epsilon\iota\alpha$ — как нечто незабвенное (в основе корня — $\lambda\epsilon\tau\alpha$ — река забвения, префикс — α означает отрицание) [27, 43]. Греческое слово «истина» отличается от латинского *veritas* — истина как понятие юридическое [27, 45], доказанный факт. Модель мышления Воцева: «чув-

ство-мысль-воспоминание» сближает его понимание истины с греческим: истина — это то, что необходимо вспомнить, так как оно незабвенно.

Движение от чувства к мысли («...близкую дорогу — от чувства до помышления его в истине — Вощев и желал немедленно преодолеть» — ДТ, 179), повторяет также модель мышления, сформулированную еще средневековой схоластикой. Так, по мнению Фомы Аквинского, объект мысли на начальном этапе восприятия дан как чувственный образ, а затем сознание «дематериализует» этот объект [8, 91—92]. Человеческий интеллект в понимании Фомы Аквинского является *tabula rasa*, чистой доской, которая «заполняется» в процессе познания и воздействия опыта. Однако если для средневекового мыслителя положение о «чистой доске» имеет теологические причину и следствие, то есть человек способен познать принципы мироздания, чтобы увериться в божественном его происхождении, то платоновский герой вспоминает, что его душа «перестала знать» истину (К, 24), и ощущает пустоту, которая ничем не заполняется. Н. И. Дужина пишет, что в повести понятие «истина» имеет религиозный подтекст: «Вощев забыл о главном источнике своей жизни, и этого знания ему не хватает больше всего» [13, 110].

В семантике фамилии «Вощев» присутствует (наряду с идеями тщеты, общности и деформации человека под давлением времени — Е. Толстая-Сегал [25, 197]) реминисценция из Ф. М. Достоевского: душа героя как «чистая доска». На это указывает один из возможных вариантов фамилии героя Платонова, оставшийся в рукописи (фрагмент «Смысл жизни»), — Н. Вощикова (ДТ, 179). В статье Ф. М. Достоевского «Зимние заметки о летних впечатлениях» душа современного человека, оторванного от «почвы», названа «вощиком» — *tabula rasa*, из которой можно вылепить, как из воска, все, что угодно²⁰. Именно таким — оторванным от «почвы», от традиций — рисует Платонов «нового человека» социализма, по-своему переосмысляя идею писателя XIX века.

Взаимосвязь мысли и чувства (ощущения), чувства и памяти, характеризующая модель мышления Вощева, соответствует также и абстрактно-аналитическому методу позна-

ния в теории А. Богданова. Воцев идет к истине через абстрагирование конкретных, реальных явлений действительности. Это движение героя также получает в тексте свою «деметафоризацию»: Воцев собирает в «мешок» разные ненужные и кем-то потерянные вещи — как «документы беспланового создания мира» (К, 49). В статье «Культура пролетариата» молодой Платонов называл такой процесс познания мира истинным и честным: «Материалист... честный человек, который сознает свои слабые познавательные силы и, учитывая это, берет за предмет исследования не вселенную, а волос, атом, т. к. он знает, что ищет истину, а не свой покой»²¹. Образ воцевского мешка можно в таком случае трактовать не только как метафорический образ «федоровского музея» (что обычно делается исследователями), но и как «деметафоризированный» процесс собирания, «организации» всего прошлого и настоящего коллективного опыта, описанный Богдановым.

Поиск истины, который для верующего человека неизбежно становится решением вопроса о первопричине всего сущего и приводит к Богу («Я есмь путь и истина и жизнь» — Ин. 14:6), в «котлованном» мире оборачивается либо панпсихизмом, либо рационализмом, т. к. Воцев на определенном этапе своих поисков приходит к выводу: «Может быть, легче выдумать смысл жизни в голове...» (ДТ, 194). Герой хочет сделать истину «мысленной», то есть «перевести» ее из «сердца» в «голову», и тем лишает истину религиозной сущности. Одна из начальных характеристик Воцева, заявленная в черновиках повести, предвосхищает итог его поисков: «Воцев почувствовал в себе жизнь, как безмолвную надежду, тихо происходящую где-то ниже горла... но мысль не может промолвить... слово той жизни и тоскует отдельно в высоте головы, в теснинах твердых костей» (ДТ, 177). Голова, которая в мифопоэтической традиции является символом рождения (так, в древнегреческой мифологии Афина родилась из головы Зевса, именно поэтому она олицетворяла мудрость), превращается у Платонова в «гроб» мысли. Эту метафору писатель разовьет в романе «Счастливая Москва», где будет показано, как человек становится «узником» собственного сознания.

В рукописи «Котлована» осталось еще одно определение истины — «вроде влаги или ветра» (ДТ, 189). В греческом и латинском языках πνεύμα и *spiritus* означают как «ветер», так и «дыхание», «дух». В Ветхом Завете сказано: «В начале сотворил Бог небо и землю... и Дух Божий носился над водою» (Быт. 1:1, 2). «Дух» (ветер) и «вода» взаимосвязаны. К. Г. Юнг определил архетип воды как ставший бессознательным дух [28, 175]. Что же происходит в «Котловане»? Чиклин и Сафронов раскапывают на дне котлована «водяной исток», чтобы «перехватить его вмертвую глиняным замком» (К, 41). Это действие вызвано, возможно, бессознательным желанием «перехватить» истину, узнать ее, но равно может толковаться и как стремление не допустить истину в мир и жить в заблуждении. Результат и в том, и в другом случае одинаков: пытаюсь «докопаться» до истины, и Вощев, и строители еще больше отдаляются от нее, а оставляя землю без воды, лишают ее плодоносной силы.

Концепт «истина» всегда находится в связке с концептом «правда». По определению В. Даля, «истина» — достояние разума человека, в отличие от «правды», которая даруется с небес как Божественная справедливость : правда — «истина на дѣлѣ... во благѣ; правосудіе»²³. В XX веке в понятия «истина» и «правда» вкладывают иное, материалистическое, значение: истина — «адекватное отображение в сознании воспринимающего того, что существует объективно... Утверждение... проверенное практикой, опытом»; правда — «то, что существует в действительности, соответствует реальному положению вещей»²⁴. Лексема «правда» употреблена в повести «Котлован» в паре со словом «вера», подтверждая трактовку, предложенную В. Далем. Но эпизод, где Вощев понимает, что земля не может существовать «без веры и правды» (ДТ, 197), так и остался в рукописи.

Пытаясь найти истину, которая бы «равнялась» объективному устройству природы, Вощев сталкивается с тем, что материалистическая идеология отрицала или пыталась обойти: с «вечными, проклятыми» вопросами о «первопричине» всего сущего, о смысле жизни, то, что Богданов называл вопросами «раздробленного человека» [7, 38]. В повести

«Котлован» А. Платонов «распроцаеть с иллюзиями молодости насчет того, что истина может быть завоевана в процессе труда, направленного на переоценку мира» [12, 78], с воинствующим гносеологизмом своих ранних статей и рассказов, с уверенностью, что материализм (в том числе и в богдановском «изводе») способен познать истину о мире. Социалистический мир, разъятый по классовому принципу, как показал Платонов, не стал «единой организационной наукой»: на стройке царит все то же разделение труда и обязанностей. Коммунистическое братство, о котором мечтали и Богданов, и молодой Платонов, так и не осуществилось. Более того, писатель задается вопросом: а возможна ли единая «организационная точка зрения» на мир? По мнению Т. А. Никоновой, Платонов опирается на мысль «о многоаспектной структурированности мира», монистический взгляд на человека оказывается неактуальным: человек «нов, неисчерпаем, “сокровенен”» [21, 183, 196].

П. А. Флоренский отметил в русском слове «истина» элемент «онтологический» («истина-естина»): «Истина — “сущее”... в отличие от мнимого... бывающего» [27, 41]. В финале «Котлована» намечено смещение понятия «истина» из категории когнитивно-материалистической («выдумать»/«сделать» истину) в онтологическую и нравственную: на это указывает мотив «сердечного прозрения» героя на уровне сюжета «второго смысла». Воцев оказывается в исходной точке своих духовных поисков: он не нашел истину и снова на распутье. Однако смерть девочки Насти, ставшая для Воцева потрясением, меняет его ценностную шкалу — герой готов отказаться от истины ради жизни ребенка: «Воцев согласился бы снова ничего не знать и жить без надежды в смутном вожделинии тщетного ума, лишь бы девочка была целой, готовой на жизнь... Воцев поднял Настю на руки... и с жадностью счастья прижал ее к себе, найдя больше того, чем искал» (К, 114). Пунктирно Платонов намечает новый путь героя — схождение «с горы ума», которое найдет свое окончательное завершение только в образе Назара Чагатаева (повесть «Джан»).

Примечания

- * Исследование выполнено в рамках государственного задания Минобрнауки России (ГБТ N 651-14).
- ¹ Платонов А. П. Котлован: текст, материалы творческой истории / А. П. Платонов. СПб: Наука, 2000. 384 с. Далее текст цитируется по этому изданию с указанием сокращения К и страницы в тексте работы.
- ² Архив А. П. Платонова. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 245—246.
- ³ В статье «Пушкин — наш товарищ» (1937) Платонов писал об особом подходе поэта к решению темы «Медного всадника» — не логическим «сюжетным» путем, а «способом второго смысла», когда «решение достигается не действием персонажей, а всей музыкой, организацией произведения — добавочной силой, создающей в читателе образ автора» (См.: Платонов А. П. Пушкин — наш товарищ // Фабрика литературы: Литературная критика, публицистика / сост., комментарии Н. В. Корниенко. Подготовка текста Н. В. Корниенко и Е. В. Антоновой. — Москва: Время, 2011. — С. 69—84). Исследователи указывают на особый прием сюжетосложения в произведениях писателя, когда важным становятся не действия и поступки героев, а художественное освещение ими «вечных» вопросов. Так, Н. М. Малыгина особенностью «метасюжета» Платонова называет его содержательную двуплановость (объединение небесного и земного, бытийного и бытового) [19], [20]. Н. В. Корниенко рассматривает повести писателя как философско-психологическое единство [17]. О «потаенном повествовательном плане» в повести «Котлован» пишет Е. Н. Проскурина [23, 18]. Произведения Платонова часто называют «бессюжетными» [18], [22]. Гносеологическая, онтологическая и в целом философская проблематика произведений писателя делает более значимым сюжет «второго смысла», сюжет «приключения идеи».
- ⁴ Среди платоновских сюжетов исследователи выделяют «сюжет-путешествие» (Л. П. Фоменко), «сюжет странничества и “думания”» (В. В. Эйдинова), «сюжет спасения человечества» (Н. М. Малыгина), «сюжет прозрения» (В. Н. Турбин) и др., отмечая сложную, многоуровневую структуру платоновского сюжета. Повести А. Платонова 1930-х гг. объединяет общий сюжет «испытания», в каждом произведении неразрывно связанный с философской проблематикой.
- ⁵ См. работы Н. А. Бочаровой, Н. М. Малыгиной, Т. А. Никоновой, Е. Толстой-Сегал и др. К. А. Баршт и Н. И. Дужина пишут об этом

- контексте творчества писателя в связи с повестью «Котлован», но в ином аспекте [3, 253—261], [13, 106—108].
- 6 *Платонов А. П.* Будущий Октябрь // Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2004. Т. 1: 1918—1927. Кн. 2: Статьи. С. 107.
 - 7 *Платонов А. П.* Культура пролетариата // Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2004. Т. 1: 1918—1927. Кн. 2: Статьи. С. 100.
 - 8 Там же. С. 94.
 - 9 *Платонов А. П.* Черный спаситель // Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2004. Т. 1: 1918—1927. Кн. 2: Статьи. С. 157.
 - 10 Динамическая транскрипция рукописи «Котлована» // Платонов А. П. Котлован. С. 183. Далее текст цитируется по этому изданию с указанием сокращения ДТ и страницы в тексте работы.
 - 11 *Платонов А. П.* Чтобы стать гением будущего // Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2004. Т. 1: 1918—1927. Кн. 2: Статьи. С. 155.
 - 12 *Платонов А. П.* Достоевский // Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2004. Т. 1: 1918—1927. Кн. 2: Статьи. С. 45.
 - 13 *Катаев В. П.* Время, вперед! // Собр. соч.: В 10 т. М.: Художественная литература, 1983. Т. 2. С. 441.
 - 14 *Леонов Л. М.* Соть // Собр. соч.: в 10 т. М.: Художественная литература, 1982. Т. 4. С. 165.
 - 15 Там же. С. 42.
 - 16 «Принцип редукции», по мнению Н. В. Корниенко, позволил Платонову добиться «предельной свернутости фабульного содержания — как на уровне сюжетной организации текста, так и микроединиц текста (абзаца, предложения, фразы), отсекая или углубляя верхний слой мотивировки и авторские — авторитетные — заключения и выводы» [16, 8—9].
 - 17 *Платонов А. П.* Культура пролетариата. С. 95.
 - 18 В цитатах сохранена орфография А. Платонова.
 - 19 *Платонов А. П.* Пролетарская поэзия // Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2004. Т. 1: 1918—1927. Кн. 2: Статьи. С. 164.
 - 20 *Достоевский Ф. М.* Зимняя замѣтка о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ // Полн. собр. соч.: канонические тексты / Под редакцией В. Н. Захарова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2004. Т. V. С. 75.
 - 21 *Платонов А. П.* Культура пролетариата. С. 94.
 - 22 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 2007. Т. 2. С. 60.
 - 23 Там же. Т. 3. С. 379.
 - 24 *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. С. 255, 576.

Список литературы

1. Андрей Платонович Платонов. Жизнь и творчество: библиографический указатель. М.: Пашков дом, 2001. 340 с.
2. Арутюнова Н. Д. Истина: фон и коннотации // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 21—30.
3. Баршт К. А. Энергетический принцип Андрея Платонова: Публицистика 1920-х гг. и повесть «Котлован» // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. Вып. 4. С. 253—261.
4. Богданов А. А. Эмпириомонизм: статьи по философии / А. А. Богданов. М.: Республика, 2003. 400 с.
5. Богданов А. А. От философии к организационной науке // Вопросы философии. 2003. № 1. С. 112—118.
6. Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука: В 2 кн. / А. А. Богданов. М.: Экономика, 1989. Кн. 1. 303 с.
7. Богданов А. А. Вопросы социализма: работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. 479 с.
8. Боргош Ю. Фома Аквинский. М.: Мысль, 1975. 183 с.
9. Бочаров С. Г. «Вещество существования» (выраженное в прозе) // Андрей Платонов: мир творчества. М.: Современный писатель, 1994. С. 10—46.
10. Вахитова Т. М. Платонов и Леонов. 1930 год. Предметный мир // Творчество Андрея Платонова: исследования и материалы. СПб.: Наука, 2004. Кн. 3. С. 214—226.
11. Вьюгин В. Ю. Андрей Платонов: поэтика загадки (Очерк становления и эволюции стиля). СПб.: РХГИ, 2004. 440 с.
12. Дмитриевская М. А. Эволюция понятий «истина» и «смысл» в творчестве А. Платонова // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995. С. 69—78.
13. Дужина Н. И. Путеводитель по повести А. П. Платонова «Котлован»: учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, 2010. 184 с.
14. Золотоносов М. Н. Ложное солнце («Чевенгур» и «Котлован» в контексте советской культуры 1920-х годов) // Вопросы литературы. 1994. Вып. 5. С. 3—43.
15. Кларк К. Советский роман: история как ритуал. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 262 с.
16. Корниенко Н. В. О некоторых уроках тектологии // Творчество Андрея Платонова. СПб., 1995. С. 4—23.
17. Корниенко Н. В. Повесть Андрея Платонова как философско-психологическое единство // Целостность художественного произведения: Межвуз. сб. науч. тр. Л., 1986. С. 27—37.

18. *Кройчик Л. Е.* Особенности сатиры А. Платонова («Город Градов») // Творчество А. Платонова: статьи и сообщения. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1970. С. 117—129.
19. *Малыгина Н. М.* Художественный мир Андрея Платонова: учебное пособие. М.: МПУ, 1995.
20. *Малыгина Н. М.* Модель сюжета в прозе А. Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: Наследие, 1995. Вып. 2. С. 274—286.
21. *Никонова Т. А.* «Новый человек» в русской литературе 1900—1930-х годов: проективная модель и художественная практика. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. 232 с.
22. *Полтавцева Н. Г.* Философская проза Андрея Платонова. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1981. 144 с.
23. *Проскурина Е. Н.* Поэтика мистериальности в прозе А. Платонова конца 20-х — 30-х годов. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 264 с.
24. *Протьюко Т. С., Грицанов А. А.* Александр Богданов. М.: Книжный Дом, 2009. 256 с.
25. *Толстая-Сегал Е.* О связи низших уровней текста с высшими (Проза Андрея Платонова) // *Slavica Hierosolymitana*. 1978. № 2. С. 169—211.
26. *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное. М.: Прогресс, 1995. 623 с.
27. *Флоренский П. А.* Столп и утверждение истины: опыт православной теодицеи. М.: АСТ, 2005. 635 с.
28. *Юнг К.-Г.* Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 304 с.

Marina Vladimirovna Zavarkina

*Ph.D., Editor of Petrozavodsk State University Publishing House
Researcher of department of Russian literature and journalism
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

mvnikulina@mail.ru

TESTING OF THE TRUTH IN ANDREI PLATONOV'S TALE *THE FOUNDATION PIT*

Abstract. Analyzing the manuscript of Andrei Platonov's tale *The Foundation Pit* and his early journalism the author traces the evolution of Platonov's views on the problem of the search for truth. Analysis of the dynamic transcription of the *The Foundation Pit* manuscript enabled to show that by the end of the 1920s Platonov had abandoned rationalistic interpretations of the concept of «truth», including its "Bogdanov's edition". Platonov increasingly questioned the capabilities of socialist science, based on materialism, to find out the truth about the world, and changed his views on work as the sole

method of learning the truth. He departed from the materialistic concept of learning and shifted towards the religious and philosophical tradition: in the finale all the more urgent becomes the formula of P. Florensky "truth-estina (to be in existence)" and outlines a shift in the concept of "truth" from the category of cognitive-materialistic ("invent" / "to do") truth in ontological and moral.

Keywords: A. Platonov's works, short novel *The Foundation Pit*, A. Bogdanov, socialism, "organizational science", the plot of the test, truth, faith.

References

1. *Andrey Platonovich Platonov. Zhizn' i tvorchestvo: bibliograficheskiy ukazatel* [Andrey Platonovich Platonov. Life and works: bibliography]. Moscow, Pashkov dom Publ., 2001. 340 p.
2. Arutunova N. D. Istina: fon i konnotatsii [Truth: background and connotations]. *Logicheskiy analiz yazyka. Kulturnye kontsepty* [Logical analysis of language. Cultural concepts]. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 21–30.
3. Barsht K. A. Energeticheskiy printsip Andrey Platonova: publitsistika 1920 godov i povest' "Kotlovani" [Energy principle of Andrey Platonov: the Journalism of the 1920s and the story The Foundation Pit]. «Strana filosofov» *Andrey Platonov: problemy tvorchestva* ["The land of philosophers" by Andrei Platonov: the problem of creativity]. Moscow, IMLI RAN, Nasledie Publ., 2000, vol. 4, pp. 253–261.
4. Bogdanov A. A. *Empiriomonizm: statyi po filosofii* [Empiriomonizm: articles on philosophy]. Moscow, Respublika Publ., 2003. 400 p.
5. Bogdanov A. A. Ot filosofii k organizatsionnoy nauke [From philosophy to organizational science]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 2003, no. 1, pp. 112–118.
6. Bogdanov A. A. *Tektologiya. Vseobshchaya organizatsionnaya nauka: v 2 knigah* [Tectology. Universal organizational science: in 2 vol.]. Moscow, Economics Publ., 1989, vol. 1. 303 p.
7. Bogdanov A. A. *Voprosy sotsializma: raboty raznykh let* [Questions of socialism: the works of different years]. Moscow, Politizdat Publ., 1990. 470 p.
8. Borgos Y. *Foma Akvinskiy* [Thomas Aquinas]. Moscow, Mysl' Publ., 1975. 183 p.
9. Bocharov S. G. «Veshchestvo sushchestvovaniya» (vyrazhennoe v proze) ["The Substance of existence" (expressed in prose)]. *Andrey Platonov: mir tvorchestva* [Andrey Platonov: the world of creativity]. Moscow, the Modern writer Publ., 1994, pp. 10–46.
10. Vakhitova T. M. Platonov i Leonov. 1930. Predmetnyy mir [Platonov and Leonov. 1930. The objective world]. *Tvorchestvo Andrey Platonova: issledovaniya i materialy* [The Work of Andrey Platonov: studies and materials]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, vol. 3, pp. 214–226.

11. V'yugin V. Yu. *Andrey Platonov: poetika zagadki. (Ocherk stanovleniya i evolyutsii stilya)* [*Andrey Platonov: the poetic riddles. (Sketch of the formation and evolution of style)*]. St. Petersburg, RHGI Publ., 2004. 440 p.
12. Dmitrovskaya M. A. Evolyutsiya ponyatiy «istina» i «smysl» v tvorchestve A. Platonova [Evolution of the concepts of «truth» and «meaning» in the work of A. Platonov]. *Logichesky analiz yazyka. Istina i istinnost v kulture i yazyke* [Logical analysis of language. The truth and the truthfulness in culture and language]. Moscow, 1995, pp. 69–78.
13. Duzhina N. I. *Putevoditel' po povesti A. P. Platonova «Kotlovan»: uchebnoe posobie* [The Guide novel by A. P. Platonov's *The Foundation Pit: a training manual*]. Moscow, MSU Publ., 2010. 184 p.
14. Zolotonosov M. N. Zolotonosov M. N. Lozhnoe solntse («Chevengur» i «Kotlovan» v kontekste sovetskoy kultury 1920-kh godov) [The false sun (Chevengur and The Foundation Pit in the context of Soviet culture of the 1920-ies)]. *Voprosy literatury* [Questions of literature]. 1994, vol. 5, pp. 3–43.
15. Clark K. *Sovetskiy roman: istoriya kak ritual* [The Soviet novel: history as ritual]. Ekaterinburg: Publishing house of the Ural University, 2002. 262 p.
16. Kornienko N. O nekotorykh urokakh tekstologii [Some of the lessons textual]. *Tvorchestvo Andreyeva Platonova* [The Work of Andrey Platonov]. St. Petersburg, 1995, pp. 4–233.
17. Kornienko N. *Povest' Andreyeva Platonova kak filosofsko-psikhologicheskoe edinstvo* [Novel by Andrey Platonov as a philosophical-psychological unity]. *Tselostnost' khudozhestvennogo proizvedeniya* [Integrity artwork]. Leningrad, 1986, pp. 27–37.
18. Kroychik L. E. Osobennosti satiry A. Platonova («Gorod Gradov») [Features of satire A. Platonov (City of Cities)]. *Tvorchestvo A. Platonova: stat'i i soobshcheniya* [Art work by A. Platonov: articles and messages]. Voronezh, Publishing house of Voronezh state University, 1970, pp. 117–129.
19. Malygina N. M. *Khudozhestvennyy mir Andreyeva Platonova: uchebnoe posobie* [Art world of Andrei Platonov: the textbook]. Moscow, Moscow Pedagogical University, 1995. 96 p.
20. Malygina N. M. Model syuzheta v proze A. Platonova [Model of plot in the prose of A. Platonov]. «Strana filosofov» *Andreyeva Platonova: problemy tvorchestva* [A land of philosophers by Andrey Platonov: the problem of creativity]. Moscow, Nasledie Publ., 1995, vol. 2, pp. 274–286.
21. Nikonov T. A. «Novyy chelovek» v russkoy literature 1900–1930-kh godov: proektivnaya model' i khudozhestvennaya praktika [«The New man» in Russian literature 1900–1930-ies: projective model of art practice]. Voronezh, VSU Publ., 2003. 232 p.
22. Poltavtseva N. G. *Filosofskaya proza Andreyeva Platonova* [Philosophical prose of Andrey Platonov]. Rostov-on-don, Publishing house of Rostov University, 1981. 144 pp.

23. Proskurina E. N. *Poetika misterialnosti v proze A. Platonova kontsa 20-kh–30-kh godov* [The poetics of mysteriological in the prose of A. Platonov for late 20s–30s]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf Publ., 2001. 264 p.
24. Prot'ko T. S., Gritsanov A. A. *Aleksandr Bogdanov* [Alexander Bogdanov]. Moscow, Publishing House Publ., 2009. 256 p.
25. Tolstaya-Segal E. O svyazi nizhnikh urovney teksta s vysshimi (proza Andreya Platonova) [About the connection of the lower levels of the text with the highest (the Prose of Andrey Platonov)]. *Slavica Hierosolymitana*, 1978, no. 2, pp. 169–211.
26. Toporov V. N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: izbrannoe* [Myth. The ritual. The symbol. Image: research in the field of mythopoetic: favorite]. Moscow, Progress Publ., 1995. 623 p.
27. Florenskiy P. A. *Stolp i utverzhdenie istiny: opyt pravoslavnoy teoditsei* [The Pillar and ground of the truth: the experience of the Orthodox theodicy]. Moscow, AST Publ., 2005. 635 .
28. Jung K.-G. *Arkhetip i simvol* [Archetype and symbol]. Moscow, the Renaissance Publ., 1991. 304 p.